

Протоиерей
Андрей Ткачев

ПОЧЕМУ Я ВЕРЮ

Простые ответы
на сложные вопросы

2-е
издание

Андрей Ткачев

**Почему я верю. Простые
ответы на сложные вопросы**

«Никея»

2017

УДК 242
ББК 86.372

Ткачев А.

Почему я верю. Простые ответы на сложные вопросы /
А. Ткачев — «Никея», 2017

ISBN 978-5-91761-531-8

В своей новой книге известный миссионер и писатель протоиерей Андрей Ткачев предлагает нам совершить путь от начала поиска жизненного смысла до обретения этого смысла в христианстве. Автор раскрывает свой личный опыт веры и знакомит читателя с убеждениями великих ученых и отцов Церкви. Преодолевая вопросы и сомнения, он буквально «за руку» вводит нас туда, где вера и знания реализуются в осмысленную и наполненную жизнь – отец Андрей вводит нас в Православную Церковь.

УДК 242
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-531-8

© Ткачев А., 2017
© Никея, 2017

Содержание

Беседа первая	6
Часть I	7
Несредневековое мышление	7
Рассуждение и вера. Пари Паскаля	8
Когда Бог остается только в голове	9
Нырять в историю нужно с «аквалангом»	10
Часть II	14
Сладость плода восходит к корням	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Протоиерей Андрей Ткачев
Почему я верю. Простые
ответы на сложные вопросы

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС
Р 15-516-0768*

Беседы вела Юлия Посашко

Беседа первая О вере и неверии

*Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него.
1 Кор. 8:2–3*

Когда благодать касается души человека, то вера становится реальностью, приобретает силу достоверности, не оставляющей места колебаниям и сомнениям.

Архимандрит Рафаил (Карелин). Дыхание жизни

Человек – существо мыслящее. С этим согласятся ученые всех направлений и убеждений. Человеку дан разум. Мы анализируем, рассуждаем, убеждаемся в одном и разубеждаемся в другом, сомневаемся, экспериментируем, строим догадки – на твердых основаниях эмпирического опыта или на шатких предположениях. Но вера... какой опыт стоит за ней?

Кажется, вера в Бога притянула к себе все мыслимые упреки просвещенного разума. Мы говорим «просвещенного», как само собой разумеющееся, забывая, что, прежде упования на свет наук, человек уповал на свет Христов, а под сводами храмов от Александрии до Киева издревле доносилось пение: «Свет Христов просвещает всех!». Справедливы или несправедливы эти упреки?

Напрасно ли человеку кажется, что, приходя в храм или даже для начала просто допустив веру в Бога, он окажется в области, где разум капитулирует перед нерассуждающей верой? Уверовав, должен ли буду я запретить себе сомневаться в чем бы то ни было, покорно приняв за истину множество вещей, с которыми мой разум спорит?

Враждуют ли вера и разум (или это не более чем недобросовестный лозунг советской, и не только, атеистической пропаганды)? Стоит ли за верой какой-то реальный опыт или люди веруют просто потому, что недостаточно подумали? Можно ли вообще «додуматься» до существования Бога?

Об этом мы говорим в первой из цикла апологетических бесед с протоиереем Андреем Ткачевым.

Часть I

Вера и разум. Диалоги с Паскалем

Несредневековое мышление

– Конфликт между верой и разумом достался нам в наследство от позднего Средневековья. Один из характерных признаков средневекового общества – фундаментальная законченность мировоззрения: извлечение любого камушка из мировоззренческого здания грозит этому зданию обрушением. Например, в эпоху позднего Средневековья на Западе «канонизировано» было все, от способов лечения желудочных болей до астрономической картины мира. Поэтому любое научное открытие, подвергающее сомнению церковное слово в области той или иной науки (хотя собственно наука не является областью Церкви), грозило крушением самой веры Церкви.

Средневековое мышление предполагало обязательность признания над собою Творца и Его законов, грядущего Страшного Суда и воздаяния и требовало смиренного поклонения перед авторитетом Церкви как хранительницы истины. От человека требовалась безусловная вера Церкви, вне зависимости от того, насколько близко и понятно ему то, чему Церковь учит.

На сомневающегося или чего-то не понимающего человека, который думает не так, как думает Церковь, смотрели как на источник опасности и неблагонадежности.

Человек может мыслить архетипами и категориями, не принадлежащими его времени, доставшимися ему в наследство от долгих столетий или тысячелетий. Сегодняшний программист вдруг может назвать себя казаком и отправиться воевать за идеи, которые были рождены в XVI, а озвучены в XIX веке. Человек, едущий в «мерседесе», по спутниковой связи разговаривающий с другим континентом, мировоззренчески может быть «младшим братом» Леонардо да Винчи: в духе Ренессанса утверждать некую новую мораль без Бога и бунтовать против Церкви. Самым святым для него может быть буйство плоти, а самым невыносимым – церковная догма. А ведь этот пафос эпохи Возрождения сегодня характеризует взгляд на мир огромного множества людей: «Богу нет места, Он не имеет права мною командовать! Миру нужна новая мораль!» При этом о существовании «средневекового мировоззрения» или «мировоззрения Нового времени» люди, имеющие подобные убеждения, в большинстве своем слыхом не слыхивали. Не зная этого, они этим мыслят. Такова инерция мышления.

К счастью, мы живем в XXI веке. «К счастью» вот в каком смысле: за нашей спиной – огромное количество людей, которые уже прожили эту жизнь и оставили нам свое наследие, хорошее или плохое. И у нас есть возможность, изучив это оставленное нам наследие, лучше узнать, кто мы сами. Тогда мы сможем, например, неожиданно распознать в себе черты средневекового человека, нетерпимого к любому проявлению несогласия или сомнения, или черты явного, натурального язычника, который воспринимает Бога как «Айболита» или «волшебника в голубом вертолете», но вовсе не Бога как Личность. Или же – черты человека новейшей эпохи, который от гордости сошел с ума и думает, что весь мир лежит у него под ногами, а он достоин им править.

Можно ли заставить человека верить? Если средневековый человек был уверен, что можно заставить склониться перед авторитетом, то сегодня мы прекрасно понимаем – веру нельзя вбить в человека, как гвоздь в дерево. Нельзя заставлять кого бы то ни было преклонять колени перед святыней, если для него она святыней не является, нельзя заставить человека исповедовать то, что не вошло в его душу, что не живет в его сердце. Бессмысленно тащить человека за руку в храм и заставлять поставить свечу до тех пор, пока он сам не скажет: «Приведите меня туда и расскажите, что вы там делаете, зачем это надо?» И говорить мы можем

лишь с теми, кто хочет и может слушать, у кого есть вопросы и кто готов услышать ответы от нас.

Это серьезный, тяжелый разговор – но только такой разговор и может принести добрые плоды.

– *Все это так. Но почему же человек нецерковный подчас уверен, что не в Средние века, а именно в современной ему Церкви он вынужден будет делать то, чего не понимает до конца, принять неясные «правила игры», которые закабалют его, лишат свободы задавать вопросы?*

– На самом деле стоит только раскрыть глаза, и мы увидим, что уже лишены свободы и поработаны множеством вещей и явлений, абсолютно нам чуждых.

Мы каждый день сталкиваемся с тысячей «тонких насилий», делаем то, что нам очень не нравится: стоим в очередях, толчемся в транспорте, на нас обрушивается информация, которую мы не любим, но все равно вынуждены смотреть и слышать, и нам не дают той информации, которую мы получили бы с удовольствием, – будь то хорошая музыка или хорошая книга. Нас заставляют влезать в кредитную кабалу, лечиться лекарствами, которые не лечат, слушать бестолковые песни и разговоры по радио в маршрутке – и нас никто не спрашивает, хотим мы это делать или нет. На самом деле мы очень несвободные люди!

Но в таком случае стоит все-таки выслушать и противную сторону. *Audiat et altera pars*¹.

Противоположная сторона говорит, что в Боге у вас возникает шанс (шанс – потому, что, получив, можно полученное и не удержать) обрести настоящую свободу от тысячи мелочей, которыми мы ежедневно оказываемся опутаны. И на веру можно предложить посмотреть именно так – не как на аппарат подавления внутреннего мира, а как на благотворную среду возрождения мира внутреннего, как на добровольное освобождение от тысячи мелочей, которые – не нужны.

Это очень важная вещь. Здесь нам пригодится умение размышлять, которое вере никак не противоречит.

Рассуждение и вера. Пари Паскаля

– Есть такой образ: карлики, сидящие на плечах гигантов. Эти карлики – мы. Нам очень многое может быть видно. Мы имеем возможность посмотреть назад с высоты прожитого. Там, в прошлом, были люди, которые удивляют нас умением сочетать то, что не все из нас сегодня умеют сочетать. Например, рассуждать и верить.

Один из лучших умов мира, Блез Паскаль², к счастью, написал очень мало книг. Почему к счастью – потому, что с ними легко ознакомиться. Его «Мысли» прочитываются за два вечера. И как раз у него можно подсмотреть сочетание двух, казалось бы, противоположных умений: рассуждать и верить.

Так, Паскаль выводит сногшибательную формулу, так называемое «пари Паскаля», которое сводится к тому, что верить выгодно – рассуждая строго логически.

Паскаль говорит: что теряет верующий, если он ошибся? Ничего. Он живет моральной жизнью, находит наслаждение в своей совести от исполнения хороших, правильных вещей, проживает свою жизнь, как любой другой человек, боля, страдая, но находя утешение в том, во что он верит. Потом его постигает конец, он уходит из этого мира. Допустим, он ошибся –

---

¹ Следует выслушать и противную сторону (лат.) (*здесь и далее примем, ред.*).

² Блез Паскаль (1623–1662) – французский математик, физик, философ и писатель. Его имя носят единица измерения давления и один из языков программирования. Главной своей задачей, особенно в последние годы жизни, Паскаль считал защиту христианства перед лицом атеизма. Он работал над фундаментальной книгой: «Апология христианской религии», но так и не успел завершить начатый труд. Тем не менее фрагменты этой работы под названием «Мысли» являются литературной классикой и известны всему миру.

и он попадает в некое ничто, исчезает. В чем он стратегически ошибся? Ни в чем. Он прожил свою жизнь, как все, от рождения до смерти.

В случае, если он не ошибся, что он выигрывает? Паскаль говорит: все. Он находит утешение и вечную жизнь, встречу с ранее почившими родственниками, он находит в Царствии Небесном всех тех, кого любил и знал: апостолов, пророков, Богородицу. Он находит там того Бога, в Которого он детской верой верил. Он находит все!

Теперь посмотрим на человека, отказавшегося верить. Что выигрывает неверующий, если он прав, и что он теряет, если неправ? Если неверующий прав, и там ничего нет – он ничего не выигрывает. Он проживает свою жизнь и уходит в ничто. А если он, неверующий, ошибся, то что же он потерял? Все. Он абсолютно все потерял.

Это банальное рассуждение по законам формальной логики. И его приводит не учитель математики среднеобразовательной школы, а один из блестящих умов в мировой истории.

– Но можно ли по-настоящему верить «по расчету» – только потому, что это выгодно?

– Конечно, верить только потому, что ты, проиграв «пари Паскаля», рассудил и понял выгоду веры, никто не может. И сам Паскаль не так верил. Вера – это дар Божий. Огонь веры возгорается в душе благодатью Божией. Правильная вера непременно должна рождать из себя любовь, потому что без любви все обесценивается. За веру нужно бороться, вера имеет многие стадии: пассивная вера, вера деятельная, вера, движущая горами, – разная.

И Паскаль, конечно, все это понимал. Поэтому в своих записках³ он говорил, что к человеку приходит не Бог философов, а Бог Авраама, Исаака и Иакова.

Но это сказал философ – серьезный философ, одна из эпохальных личностей в истории человечества, и к нему невредно прислушаться.

Так что размышление вере отнюдь не противоречит. Открыть эту простейшую истину помогает знакомство с краткими биографиями верующих людей, которые в области ума – науки, прикладных, технических занятий – оставили заметнейший след. Ведь они могли рассуждать над какими-то головокружительными вещами, над такими математическими и философскими задачами, перед которыми простой человек просто отступает. И это умение не мешало им веровать. И веровать так, как верит простой человек.

Когда Бог остается только в голове

– Возвращаясь от неверия к вере. Мы пришли к тому, что рассуждение вере не мешает. Что дальше? Каким мог бы быть первый шаг к обретению веры?

– Этот шаг, на самом деле, очень непростой. Первый шаг – ответить на вопрос: есть Бог или нет? Для начала просто это. Не разбираясь тут ни с кем – ни с иудеями и их «всемирным заговором», ни с мусульманами и международным терроризмом, ни с католиками и их крестовыми походами. Почему? Потому, что эти разбирательства ни к чему не приведут. В нашем засоренном сознании бродит множество мифов, которые уводят нас в сторону от простых вещей.

Если бы Паскаль с нами разговаривал, он бы с нас потребовал честного ответа на вопрос: «Ты понял, что логика не препятствует тому, чтобы склониться на сторону веры, и что, придя в храм или согласившись со мной, ты не потеряешь способность мыслить логически? Итак, скажи мне: спросил бы дальше великий философ, – есть ли Бог?»

Ответ на этот вопрос не так прост. Разум начинает виться, как змей. Вообще разум – это змей, который не ходит прямо, он вьется, змеится по земле, ползает на чреве вправо-влево.

---

³ Имеется в виду записка, найденная после смерти ученого в подкладке его камзола и известная как «Мемориал» Паскаля.

Так, Феофан Затворник⁴ говорил, что разум без Бога – это сатана, а разум с Богом – это Архангел Михаил. Разум, который с Богом, говорит: «Вонмем, станем добре, станем со страхом!»⁵ Господь – Свят, и нет подобного Ему – это знает разум (тот, что с Богом), знает и смиренно склоняется перед Богом, и служит тем, чем может, во славу имени Его.

А разум без Бога – хитер, изворотлив, извилист. Конечно, у него всегда будут сомнения, и он постарается сделать так, чтоб умножить эти сомнения, оставляя за собой последнее слово. Дьявол, как осужденный преступник, всегда свое последнее слово скажет. «И все-таки я не верю и кланяться никому не буду! – что-то такое он скажет. – И ты не кланяйся!»

И слишком опираться на свой разум в вопросах веры – небезопасно. Почему? Когда так происходит, Бог из Бога Живого может превратиться для человека в «идею о Боге». Это то, что происходило в западном рациональном сознании начиная с позднего Средневековья: сначала Бог превращается в идею Бога, потом, как следствие, подвижничество замирает, целомудрие заменяется сначала легким, потом более сильным развратом, пост уступает чревоугодию, любые виды аскезы отменяются как ненужные, литургическая жизнь угасает, молитва слабеет, милостыня прекращается... Все это происходит тогда, когда вера начинает «жить» только в голове.

Что остается? Остаются только разговоры об идее Бога – уже не о Нём Самом, а о том, есть ли Он? И наконец, появляется философ, который вдруг честно и громко кричит на площади: «Мы все убили Его! Бога больше нет, Он умер!» Речь идет о Ницше. Это был очень честный крик честного человека. Ницше (который страшно закончил, в жутких муках, потеряв рассудок) воплотил в себе потерю рассудка целыми народами, целой цивилизацией. Кстати, раз уж мы о нем вспомнили, то должны сказать, что он благоговел перед Паскалем и удивлялся тому, что христианство его покорило. Сам Ницше так и не смог разрешить этого противоречия.

И у человека, всецело полагающегося только на свой разум, есть опасность пойти именно этим дьявольским путем и так никогда и не выйти к истине. Поэтому и первый шаг к вере – великое дело.

Нырять в историю нужно с «аквалангом»

– Но как же действительно быть со всеми этими крестовыми походами и кострами инквизиции, которые зачастую первыми всплывают при разговоре о вере? Оставить их до поры до времени в стороне? Или все-таки потратить время, но разобраться с трудными вопросами истории?

– Да, по сути, приходя к вере сегодня, мы вынуждены каким-то образом пропустить через себя всю 2000-летнюю историю христианства.

Немногие делают это в начале своего пути к вере, но так или иначе христианину это делать придется. Что было в эпоху Ивана Грозного? Зачем поплыли португальские каравеллы в Японию? Почему горели костры инквизиции, горели ли они, сколько их горело? Грешнее и слабее ли сегодняшнее духовенство того, что было раньше, или люди всегда и везде одинаковы? Так или иначе, вопросы истории будут возникать и потребуют ответов.

И в своем конечном пределе задача тут такова: почувствовать христианскую историю прошедших веков как историю, которая касается меня лично, и выработать свое личное отно-

---

⁴ Святитель Феофан, Затворник Вышенский (1815–1894) – святой Русской Православной Церкви, выдающийся духовный писатель и учитель духовной жизни, исследователь и переводчик святоотеческих писаний. Наряду со свт. Игнатием (Брянчаниновым) остается одним из самых любимых и почитаемых духовных писателей не только в России, но и во всем мире. Наиболее известны его произведения «Путь ко спасению», «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться», «Начертание христианского нравоучения», а также письма о духовной жизни разным лицам, толкования на послания апостола Павла.

⁵ «Станем строго, станем со вниманием и благоговением!» (рус.). Священник произносит эти слова на литургии в начале евхаристического канона.

шение к этой истории. Только не стоит забывать вот о чем: чтобы, опускаясь на дно, потом вынырнуть обратно на поверхность, нужен акваланг – надо чем-то дышать. В истории часто дышать нечем.

– *Что Вы имеете в виду?*

– Человеческая история – это ведь кошмарная связка различных, подчас страшных событий. Стоит углубиться в историю ГУЛАГа, или Французской буржуазной революции, или Первой мировой войны, как ты погружаешься в какое-то месиво крови, интриг, дипломатических бумаг и документов, человеческих трагедий, маленьких сломанных жизней. Жестокость описываемых событий запредельна. И так – с каждой эпохой. Невольно спросишь себя: «Как мы не умерли до сих пор, благодаря чему мы живем?! Где же смысл во всем этом?»

И это очень тяжело для человеческой души. Под такой тяжелой исторической водой долго находиться нельзя: история способна раздавить человека, который не знает о том, что есть Свет.

А Свет есть – например, в истории мучеников, истории святых и праведников, которые также есть в каждой эпохе. Хотелось бы, чтобы эти факты тоже были известны людям.

Она есть, эта светлая сторона человеческой истории. Иоанн Златоуст⁶ говорил, например, что истинность исповедания Христа Богом для умеющего думать напрямую доказывается самим существованием христианской Церкви. Церковь была рождена жалким количеством бедных людей, жителей небольшой провинции Римской империи, у которых не было ни философских знаний, ни меча на поясе, ни политических связей, ни академического образования. Не было у них и опыта миссионерской работы. Кроме того, апостолы христианства принадлежали к иудеям – странному гонимому народу, который все узнают и которого все сторонятся⁷. И за краткое время своей земной жизни эта горстка учеников сумела покорить вере весь римский мир: Рах Романа, римский мир, стал Рах Christiana, миром христианским. Причем все апостолы умерли за свою веру, и умерли насильственной смертью (кроме Иоанна Богослова), не отрекшись от нее.

И Златоуст говорит: «Теперь посмотри, что произошло. Посмотри на финикийцев, на этих древних морских разбойников, – они поют псалмы! Посмотри на ливийцев, на этих жителей пустыни, – они знают, кто такой Лука, кто такой Марк, они читают пророков. Посмотри на гордых и спесивых римлян – они посыпают голову пеплом и соблюдают Великий пост. Посмотри на Дунай, на этих виноградарей, которые кривым ножом срезают виноградные кисти, – они читают молитву Иисусу Христу, когда работают в поле. Это сделало жалкое число проповедников. Все мы, собранные вместе, теперь не можем повторить даже малой доли того, что сделали они. Откуда это в них?»

«Теперь ты понимаешь, – мог бы продолжить Златоуст, – что Церковь не могла возникнуть случайно, теперь ты понимаешь, что силы им дал Христос, что такую силу может дать только Господь?»

Но это апелляция к человеку, который согласен сесть и думать.

Не нужно закрывать глаза на темные стороны церковной истории. Надо иметь готовность об этом говорить. Но говорить, не теряя из вида светлую мысль о Едином Боге, Который суще-

---

⁶ Святитель Иоанн Златоуст (ок. 347–407) – архиепископ Константинопольской церкви, прославленный в лике святых. Златоуст отличался даром слова и талантом проповедника, а также бескомпромиссностью, с которой он боролся с пороками своей паствы, не боясь обличать и императорский дом, чем нажил себе могущественных врагов. Один из учителей Церкви.

⁷ «В древнем мире любой человек знал по меньшей мере четыре вещи об иудеях: что они ни за что не согласятся прямо или косвенно принять участие в каком-либо языческом культе (что казалось антисоциальным), что они ничего не делали в субботу (что казалось неудобным), что они ни за что не будут есть не только идоложертвенное мясо, но и любую свинину (что казалось глупым) и что они обрезывали своих младенцев мужского пола (что казалось отвратительным)». См. А. Дворкин. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Курс лекций. – Нижний Новгород: Издательство Братства во имя св. князя Александра Невского, 2005. – 928 с. (Часть первая. Становление Церкви. I. Начало Церкви).

ствует вечно, и о Сыне Его Единородном, Иисусе Христе, Который пришел в мир, и Чье имя сладко для слуха верующих. Все, что связано с Христом, очень удивительно.

Когда в мире замолкает разговор о светлой радости и о смысле жизни, о том, что нужно призывать милость к падшим и верить в Бога и Богу, то человечество, пытаясь своими силами достигнуть счастья, учиняет какой-то очередной кошмар, чтобы потом долго и с большим трудом выбираться из него. Но вера никуда не исчезает. Она может сокращаться, как шагреневая кожа, или расширяться, как мехи баяна, переходить с территории на территорию, из рухнувшей Византии в Московскую Русь, но она никуда не исчезает. Вера сохраняется.

А человечество опять продолжает жить и давать повод новым историкам изучать очередные кошмары. Вот так движется история. И от ее ужасов нужно постоянно возвращаться к светлому миру веры, спастись в нем.

– А стоит ли человеку бросаться в эти кошмары истории, изучать их, пытаться разобратся, делать далеко идущие выводы, не имея веры?

– Нет. Человеку, для которого вера не сладка, для которого храм – закрыт, а богослужение и Священное Писание молчит, не стоит обращать свой взор в то, что называется историей.

Не имея веры, он рискует сгореть от стыда или сойти с ума, впасть в отчаяние, разувериться во всем и стать циником. Господь может человека и из этого состояния призвать – так может произойти. Как, например, это произошло у Клайва Льюиса⁸, который сел в автобус атеистом, а вышел – верующим человеком (он рассказывает об этом в своей книге «Настигнут радостью»). Такое часто бывает: озарение в толпе, когда ничего вроде бы не происходит, а у человека с души вдруг словно пелена снимается. Я сам слышал ряд историй, когда люди говорят: «Едучи в метро в очередной раз, я понял, что так жить нельзя: либо я умру, либо должно что-то произойти!» И атеист, спустившийся в метро, скажем, на станции «Смоленская», на станции «Бабушкинская» выходил верующим человеком.

Но, повторюсь, искать ответы на сложные вопросы истории, не имея опоры в вере, – это тяжелый путь.

– Если в исторической гуще Бога встретить трудно, то где искать Его?

– Я думаю, что человек как личность должен искать личного Бога, Который нужен ему и Которому нужен он. Внутри конкретных исторических условий – дефолта в Греции, войны на Украине, падения самолетов и пропажи «Боингов» – внутри той исторической картины начала XXI века, в которой мы живем.

И надо знать, что, если Бог приблизится к человеку, Он прикоснется к сердцу. Сердце человеческое – это орган, реагирующий на Его присутствие. Как дозиметр реагирует на радиацию, которую никак иначе не почувствуешь – ни глазами, ни слухом, ни кожей, – так и сердце реагирует на Бога, и потому к нему надо прислушиваться. Но только не думая, что Бог там «уже есть», – это тоже один из распространенных мифов. «Бог в душе» – это очень легкие слова, сказанные по очень серьезному поводу. Его там сейчас нет. Если бы Он там был как владыка и хозяин – мы бы совершенно по-другому действовали, думали, жили. Жизнь была бы совершенно другая.

Это личный путь богопознания.

---

⁸ Клайв Стейплз Льюис (1898–1963) – английский писатель, один из лучших апологетов христианства в XX веке. Будучи крещен в детстве в англиканской Церкви, Льюис постепенно утратил интерес к религии, но в зрелом возрасте вновь обрел веру в Бога. Его литературное творчество отличают глубина мысли и вместе с тем простота изложения. Знаменитые «Хроники Нарнии» являются своеобразным пересказом евангельской истории на языке сказки, в «Расторжении брака» Льюис показывает, каковы на самом деле Рай и Ад, «Письма Баламута» – это «аскетика наоборот»: в форме переписки опытного беса со своим неопытным племянником писатель раскрывает основы христианской аскетике и духовный путь верующего.

И тут человек (вернемся к воображаемому диалогу с Паскалем, спросившему нас: «Есть ли Бог?»), не имеющий личного опыта встречи с Богом, позволяющего сказать «да», мог бы ответить: «Глядя на достойных людей, имеющих веру, я склоняюсь к тому, что Бог действительно есть. Но мой личный опыт об этом ничего не говорит».

Это уже будут честные слова.

Часть II

Нужен ли Бог, чтобы быть хорошим?

Сладость плода восходит к корням

– Давайте обратимся к вопросу, как будто более практическому. Как связаны вера в Бога и способности творить добрые дела? Обязательно ли нужно быть верующим, чтобы любить людей и творить добро в мире?

«Практические» праведники могут быть и неверующими. В жизни мы это видим. Можно вспомнить, например, Антона Павловича Чехова, который говорил о себе на протяжении всей жизни, что он растерял веру, что он в Бога не верит. Но тем не менее в самом себе являл жертвенное, деятельное, поистине христианское милосердие и сострадание к людям. Неверие в Бога в нем совмещалось с любовью к людям – выходит так?

– Это интересное явление. Я, как любой человек, с ним знаком и думал об этом.

И вот я думаю, что, если хотим понять, что к чему, мы должны поместить это явление в контекст. Нам должна быть известна «история болезни», «бэкграунд»: что там, в корнях? Не стоит рассматривать эту «атеистическую праведность» автономно, – дескать, это вспышки доброй человеческой природы. Неправильно извлекать этих праведников без веры из той среды, в которой они живут. Погрузив их в законную среду, мы обретем для себя очень много ответов.

Например, пытаюсь понять корни «советской праведности», т. е. праведности советской эпохи: жертвенности врачей или комсомольцев-метро-строевцев, смелости летчиков-полярников – мы вынуждены будем сказать, что она появилась не на пустом месте. И если вспомнить ее исторический контекст, мы должны будем понять, что это по сути – квазихристианский проект.

Во-первых, предки, деды и прадеды советских людей (в массе своей – крещеные) в течение многих поколений принадлежали к византийской православной традиции, причем в ее русском варианте, который отличается именно аскетичностью и жертвенностью. Без аскетического идеала Древней Руси подвиги советского человека были бы просто невозможны! Граждане «первого в мире атеистического государства» часто были практически христианами, если можно так говорить, не зная имени Того, Кто дал им силу, Кто заложил в историю нашей страны и нашего народа этот импульс.

У этой «атеистической праведности» есть свои истоки – какие-то молившиеся бабушки, расстрелянные священники, бывшие чьими-то дедушками или прадедушками, какие-то праведные монахи, затерявшиеся в шестом или седьмом поколениях, но никуда не исчезнувшие, – ни из памяти Бога, ни из нашей крови.

Кому-то, может быть, попался на жизненном пути прекрасный преподаватель вуза, который из хулигана и оболтуса сделал выдающегося ученого. И только поинтересовавшись историей жизни этого гениального преподавателя, воспитавшего великие кадры для науки, мы узнали бы, что он или сам был христианином, или принадлежал к христианской традиции, своей жизнью транслируя веру в души учеников, совершая тем самым свой незаметный подвиг (таким мирским подвижником был, например, профессор Алексей Фёдорович Лосев).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.